

Кирилл Александрович Осповат (р. 1980) – филолог и историк культуры, автор книги «Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века» (2020), профессор Университета Висконсина в Мэдисоне.

О том, как подавленный яицкий бунт 1772 года перешел в пугачевщину, повествует песня, записанная в первой трети XIX века Петром Киреевским. Фольклористы XX века условно озаглавили ее «Начало восстания на Яике»:

Яицкие казаки –
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была их часть,
Задумали в один час.
Генерала они убили.
В том не мало их судили.
Государыня простила,
Жить по-старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.
Нашли себе царя –
Донского казака.
Донского казака,
Емельяна Пугача.

1 Статья представляет собой фрагмент готовящейся к изданию книги Кирилла Осповата «Пугачевщина: политическая семиотика бунта в эпоху Просвещения (опыт демократической историографии)». Печатается с разрешения издательства ОГИ.

**УГНЕТЕННЫЕ
ГОВОРЯТ. КАК
ИСТОРИКАМ ИХ
УСЛЫШАТЬ?**

Он ко Гурьеву подходил,
Ничего не учинил.
От Гурьева возвратился,
С своей силой скопился.
К Яику подходил,
Из пушечек палил.
От Яицкого городка
Протекла кровью река².

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Имитируя чуть ли не газетную точность деталей, эта песня не теряет главной функции фольклорного эпоса: сохранять в коллективной памяти символически значимый сценарий события, отвечающий устойчивым представлениям исполнителей и слушателей об устройстве мира и общества. «Начало восстания на Яике» было, по словам казацкого исполнителя XIX века, «солдатской» песней³, то есть исходило от противников бунта – хотя могло бытовать в противоположной идеологической огласовке, без стихов, осуждающих мятеж. Тем интересней, что рассмотрение хода и пружин восстания в песне не вторит официальной версии об обольстителе-самозванце, но очерчивает логику казацкой демократии. Главной действующей силой пугачевщины в песне предстают *яицкие казаки* – коллективное единство, в котором при ближайшем рассмотрении можно узнать мятежный казацкий плебс, *голытьбу* или *непослушных* («не маленькая была их часть»). *Яицкие казаки* парадоксально реагируют на разгром своего бунта: они затевают новый, еще более масштабный мятеж, распространяющийся на этот раз за пределы яицкого войска. Этот рассказ отвечает ходу событий и их логике, как ее, опираясь на выводы следователей, поняла и сама Екатерина II. Мятеж оказывается результатом совещательного, демократически принятого политического решения, воплощенного в выборе *царя*:

Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.

Эти строки содержат узловую формулу самозванчества, балансирующего между *самовластием черни* и претензией ее вождя на царскую роль. Пугачев объявился на Яике и был признан казаками за Петра III через несколько месяцев после подавления бунта 1772 года. Выдвижению предводителя предшествовало формирование низового консенсуса. «Начало восстания на Яике» описывает зарождение пугачевщины по модели распространенного в казацких песнях сюжета о выборе

² *Исторические песни XVIII века* / Подг. О.Б. Алексеева, Л.И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. С. 270.

³ *Народные исторические песни* / Подг. Б.Н. Путилов. М.; Л.: Советский писатель, 1962. С. 373.

атамана. Он мог связываться с именами Ермака и Степана Разина, а в яицком (уральском) фольклоре – с казачьими походами на Хиву. Процитируем яицкий вариант:

Как не ясные соколики солетались,
Не хивинские лизервушки только соезжались.
Вот сходились, ребятушки, они только во единый круг,
За единую, ребятушки, они только думу думали:
– Ну кому из нас, ребятушки, атаманом быть,
Ну кому из нас, ребятушки, есаулом слыть?
Уж мы выберем, ребятушки, себе атаманушку походного,
Есаулушку мы выберем себе залетного.
Атаман-то а он говорит, словно во трубу трубит,
Есаул-то а он говорит, только во сверло сверлит:
– Ох, долго ль, ребятушки, будем на Дарье стоять?⁴

Песни этого цикла, именующие казаков *людьми вольными*, представляют собой своего рода устную конституцию казацкой демократии. Эпическая форма служит увековечиванию и воспроизводству плебисцитарного *обычая* и его устойчивого словаря. Перед нами архетипическая встреча народного собрания – казацкого *круга*, в котором множество участников складывается в *единую* (этот эпитет повторен дважды подряд) волю и думу. Понятие *думы*, служившее в допетровском языке и синонимом *мысли*, и названием совещательного органа, обозначает демократическую рациональность. В прокламациях булавинского восстания в этом значении употребляется формула *совет и дума*⁵. Круг собирается для обсуждения будущих действий и избрания руководителей – атамана и есаула. Если модель избирательной монархии, практиковавшаяся в России эпохи Смуты, в Польше и, *mutatis mutandis*, в гетманской Украине, рассматривала избрание правителя как пожизненное вручение власти, то идеал казацкой демократии связывал власть атамана с исполнением конкретного, одобренного всеми казаками предприятия – похода. В яицкой песне избирается *походный атаман*.

Казачьи песни о восстании Разина, которые исполнялись в эпоху пугачевщины и могли монтироваться с ее сюжетами, содержат сложный анализ отношений между кругом, старшиной, голытьбой и ее атаманом. Процитируем песню, вариант которой был опубликован уже в «Собрании разных песен» (1770–1774) Михаила Чулкова одновременно с яицким бунтом и пугачевщиной:

4 Коротин Е. Фольклор яицких казаков. Песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата: Жазушы, 1981. С. 46.

5 Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Сборник документов / Подг. Н.С. Чаев, К.М. Бибииков. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. С. 467.

В войсковую канцелярию
Он [Разин] совсем не хаживал [...]
С казаками-то во кругу
Дум горьких не думывал [...]
Как ходил-то он во царев кабак [...]
Думал думушку со своей голью,
Он голью-голытьбою⁶.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Будущий атаман как будто исключен из казацкой демократии круга, но лишь постольку, поскольку она сама оказалась подвластна старшине и войсковой канцелярии – административному органу, связывавшемуся с двойным диктатом старшины над гольтыбой и московского центра над казачьими вольностями. Разин не столько отвергает демократический принцип, сколько переносит его действие в кабак, где действует гольтыба. Соповещения Разина с гольтыбой обретають очертания альтернативного, плебейского круга, сохраняющего, однако, претензию на общее представительство, *единство*:

Собирайся-ка ты, гольтыбушка
Наша, во единый круг,
Голь ты, во единый круг.
Во едином-то мы кружочке
Станем думу думати»⁷.

В 1772 году на Яике именно не санкционированное старшиной «необычайное собрание» войска было сочтено началом бунта; начальство думало даже разгонять его огнем из пушки⁸. Протест выдвигал и своих предводителей: избрание Пугачева в атаманы голутвенными голосами описывалось в формулах, уже знакомых нам по яицкой песне⁹, где поется о выборе «есаулушки залетного». Донской казак Пугачев выступал на Яике в роли пришлеца. Он хорошо понимал устройство казацкой демократии, но не был связан обязательствами и родством с местной старшиной, против которой восставали яицкие *непослушные*.

Однако карьера Пугачева в качестве казачьего электорального политика началась не на Яике, а еще в казачьих станицах на Тереке, где он оказался, убежав в начале 1772 года с Дона:

«Емельян принялся обсуждать проблемы новоселов, причем говорил, по всей видимости, настолько ярко и убедительно, что казаки трех станиц Галюкаевской, Ищорской и Наурской избрали его, человека на Тереке нового, своим войсковым атаманом и “просили

6 *Исторические песни XVII века* / Подг. О.Б. Алексеев. Л.: Наука, 1966. С. 149.

7 Там же. С. 150.

8 См.: *Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом* // *Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов*. СПб., 1872. Т. 2. Отд. 2.

9 См.: *Исторические песни XVII века*. С. 148–155.

его, Пугачева, чтобы он взял на себя ходатайство за них о испрошении им в Государственной Военной коллегии к производству денежного жалования и провианта против Терского Семейного войска казаков”»¹⁰.

Яицкие казаки парадоксально реагируют на разгром своего бунта: они затевают новый, еще более масштабный мятеж, распространяющийся на этот раз за пределы яицкого войска. Мятеж оказывается результатом совещательного, демократически принятого политического решения, воплощенного в выборе царя.

Фольклорные предания помнили, что Пугачев «был человеком, искусно владевшим речью, умел себя держать»¹¹ – то есть обладал свойствами демократического политика, полагаившись выборному атаману: «Атаман-то а он говорит, словно во трубу трубит». На Тереке Пугачев не объявлял себя царем, но принял традиционную роль выборного челобитчика. (Так, в песне начала XVIII века общий круг всех казаков – «яицких, донских, запороцких» – посылает атамана Фрола Минаева бить челом Петру I¹².) Отправившись с Терека в Петербург, Пугачев был задержан, бежал из-под ареста и сперва вернулся на Дон. Там он не забывал своих политических амбиций и говорил жене: «Я-де был на Тереке, и меня принять семейные хотят. А как у них теперь нет атамана, а я – человек честной, то оне меня и атаманом выберут»¹³.

Эквивалентом походного атамана оказывается и *царь*, которого подбирают казаки в песне «Начало восстания на Яике». В песне этот *царь* не Петр III, а «донской казак Емельян Пугач» и власть его связывается не с прошлым, не с династическим происхождением или принятой десятилетием раньше общенародной присягой Петру III, но с его будущей ролью главы восстания. Сам Пугачев историю о том, как он объявил себя Петром III, рассказывал на допросе так:

«А по выходе из бани Еремина Курица спросил меня: “Что-де ето у тебя на груди за знаки?”. На то я говорил: “Ето-де знаки государевы”. А как Еремина Курица, усумняся, говорил: “Что ты говоришь,

10 Трефилов Е. *Пугачев*. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 28.

11 *Песни и сказания о Разине и Пугачеве* / Сост. А.Н. Лозанова. М.; Л.: Academia, 1935. С. 218.

12 *Исторические песни XVIII века*. С. 104.

13 *Емельян Пугачев на следствии. Сборник документов и материалов* / Сост. Р.В. Овчинников, А.С. Светенко. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 136.

какая государевы?”. На то я ему подтвердил: “Я-де сам государь Петр Федорович”. Еремина Курица замолчал, и пошли из бани к нему в землянку, где я ему и стал еще говорить с уверенением, что я – подлинно государь. А он, сему поверя, делал мне, яко царю, приличное учтивство. Потом я говорил ему же, Ереминой Курице: “Если бы яицкия казаки войсковой руки, умныя люди, ко мне приехали, то бы я с ними погутарил”. [...]

А чрез сутки и Караваев к нам с товарищем [...] приехали. [...] Караваев спросил у меня: “Ты ли надежа-государь наш Петр Федорович?”. На то сказано мною было: “Я”. И говорил Караваеву: “Чрез кого вы известны обо мне стали?”. Когда же мне сказано было, что чрез Закладного уведомлены и присланы, то я говорил: “Ну, яицкия казаки, коли вам угодно, так вы меня примите, я – государь ваш, Петр Федорович; а не угодно, так откажите, я поеду на Узень вашу и там жить буду до времени”. На то Караваев: “Я-де поеду в войско и там с другими подумаю”. На сие я сказал: “Хорошо-де, поезжай, да скажи о сем хорошим людям”. Говорил же притом и то, каким образом я спасся от смерти и где был. Чему он, кажется, верил. А между тем сказывал им, что я приметы царския имею¹⁴.

Легенда о том, что Пугачев – это Петр III, оказывается вписана в логику избрания. Политическая общность *яицких казаков войсковой руки*, то есть голутвенной партии (та же самая, что и в песне «Начало восстания на Яике»), вольна *принять* или отвергнуть самозванного царя. Глагол *принять* оказывается еще одной лексемой из неписаного словаря низовой демократии, синонимом *избрания* предводителя («меня принять семейные хотят [...] оне меня и атаманом выберут»).

Когда побывавший терецким атаманом беглец Пугачев остановился у яицкого казака Еремины Курицы, который и заметил в бане его царские знаки, он уже видел себя яицким плебейским политиком.

«И как скоро он, Емелька, Еремину Курицу увидел, то спросил ево: “Каково жить яицким казакам?”. Оной без всякого затруднения сказал, что-де им очень жить худо, и они-де от старшин раззорены».

Это же Пугачев услышал от Дениса Пьянова, который «во-первых [...] был раскольник, а во-вторых, держался бунтующей против набора в легион и выбора старшин стороны»:

«[Пьянов] сказал ему, Емельке, о причиненных ему обидах и раззорениях от старшин, и что у них-де нарушены привилегии. [...] После сих разговоров хаживал он, Емелька, по городу Яику между народом, где также наслышался, что казаки нынешним состоянием недовольны, и один другому рассказывали свои обиды, бывшие им от старшин»¹⁵.

¹⁴ Там же. С. 71–72.

¹⁵ Там же. С. 229–230.

Примеряя роль голутвенного вождя, Пугачев перебирал разные сценарии протеста, отложившиеся в опыте и исторической памяти казачества. На Тереке он начал с традиционного челобитья, но на Яике, только что пережившем бунт и его подавление, речь шла уже о разрыве с имперской властью.

Пугачев, «узнав же о их неудовольствии, начал подговаривать к побегу за Кубань некрасовским путем»¹⁶. Голутвенный атаман Игнат Некрасов воевал вместе с вождем казачьего восстания Кондратом Булавиным, а в 1708 году, на исходе восстания, увел казаков на Кубань, в турецкое подданство, и основал там автономную эгалитарную республику с устной конституцией, бытовавшей до распада общины в начале XX века под названием «Заветов Игната». История Некрасова была хорошо памятна казакам и неоднократно упоминается в допросах Пугачева. На предложения Пугачева Пьянов ответил:

«Я-де о вашем величестве, што вы за нас, бедных, вступаетца хотите, и што вы хотите нас провесть на Кубань, сказывал казакам [...] и они-де ради с вами итти. Да только-де сказали, што это дело великое, так-де надобно со всеми казаками о этом поговорить тогда, когда казаки соберутся вместе на багренья»¹⁷.

Фигура и политическая программа Пугачева выносилась на неформальный плебисцит – коллективное решение *всех казаков*. Подлежащее общей воле *дело великое* соблазнительно сопоставить с латинским *res publica*. (В русских письменных источниках это понятие с XVI века передавалось формулой *дело народное* или *земское*, которая могла связываться с деятельностью земских соборов и низовых движений Смуты¹⁸.) Плебисцит должен был состояться во время багренья – коллективной рыбной ловли, вокруг которой строился экономический быт войска, – узлового гражданского ритуала и точки сборки яицкого общества.

«[К багренью] допускаются [...] токмо одни действительно служащие казаки, а отставные и неверстанные участия в том не имеют, [...] сторонний к тому багренью припущен быть не может, [...] двух багров никому, кроме войскового атамана, на свой пай употреблять не позволяется»¹⁹.

С Пугачевым на Яик с Дона пришла традиция воспетых казачьим эпосом голутвенных предводителей – Разина и Некра-

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Там же. С. 230.

¹⁸ См.: KROM M. «Die Sache des Herrschers und des Landes»: Das Aufkommen der öffentlichen Politik in Russland im 16. und 17. Jahrhundert // STEINMETZ W. (Hg.). «Politik»: Situationen eines Wortgebrauchs im Europa der Neuzeit. Frankfurt a. M., 2007.

¹⁹ Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии*. Оренбург: Отделение Русского географического общества, 1887. С. 297.

сова (в песнях он заместил Булавина). Не ограничиваясь локальной борьбой с властями, эти походные атаманы оформляли недовольство казачьего плебса в поход за пределы казацкой территории. Пугачев, предлагавший казакам уйти «некрасовским путем», о Некрасове должен был знать из песен и преданий. По словам исторической песни, Некрасов вынес свой проект ухода на обсуждение голутвенного круга:

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Ой да а набрал же он с Дону молодых ребят,
И собрал же их Некрасов-казак во единый круг,
Он начал говорить донцам речи грозные:
«Не видать вам, донским казакам, Дону тихого, [...]»
А привыкать вам, донским казакам, к бою-подвигу,
Ой да привыкать вам нападать на царевы полчища.
Да мы царю же не сдадим вольной вольницы»²⁰.

Уход на Кубань здесь предстает актом политического сопротивления имперскому диктату во имя *вольности*. В другой песне некрасовского цикла поется: «Ой да я не сам на Кубань зашел да заехал, / Ой ну и вот занесла меня неволя царская»²¹. Казацкий эпос, иными словами, ясно фиксировал конфликт между имперским и казачьим политическим укладом. По словам казаков, Пугачев должен был «вступить за нас, бедных» и удовлетворить казачьи *оби́ды* – то есть возглавить протест против административного и экономического давления императорской администрации, подчинившей себе казачью старшину и официальный войсковой круг. Термин *оби́ды*, обозначающий здесь нарушение старинных привилегий, имел правовой характер. Он представлял собой точный эквивалент понятия *grievances*, которым оперировал начинавшийся почти одновременно с пугачевщиной мятеж североамериканских колоний против Британской империи.

Пугачеву, однако, не суждено было стать новым Некрасовым. После разговоров о побеге на Кубань он был 19 декабря 1772 года снова арестован, этапирован в Симбирск, а потом в Казань, откуда бежал и вернулся на Яик в августе 1773-го. В этот раз об уходе на Кубань речь не шла. С первых же шагов самозванному Петру III досталась роль главы восстания, или, на языке казачьих песен, *возмущения*:

Ой да не бела зорюшка занималася,
Красно солнышко с утра разгоралось.
Ой да помутился-возмутился Дон Иванович,
Ой да от Сибири до Москвы-матушки,
От Кубани до муромских лесов.

20 Исторические песни XVIII века. С. 101.

21 Там же. С. 102.

Ой да возмутился донской казак,
По прозванию Пугач, Емельян сын Иванович.
Ой да он бил-рубил своих недругов,
Все бояр-князей вешал на перекадаинке,
Ой да потопил в крови не одну тысячу²².

Вопреки легенде о Петре III в казачьих песнях действует Пугачев, или Емельян Пугач. Он встает в ряд эпических голутвенных атаманов, олицетворявших разные, но родственные формы казацкого бунта. С Разиным связывается доблесть грабительского похода:

Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики,
Татарские, армянские, все басурманские,
Без того только без сиза орла без государева²³.

Картина социального бунта появляется, однако, уже в цикле песен о «сыне Разина». Они опирались на реальный эпизод появления и казни разинского посланца в Астрахани²⁴. В песне губернатор берет сына Разина под стражу и допрашивает, а Разин грозит в ответ:

Мы до городу дойдем,
Белу каменну тюрьму мы по камню разберем,
С самого ли губернатора мы шкуру сдерем²⁵.

Характерно, что именно этот песенный сюжет мог монтироваться с фигурой Пугачева. В песне «Пугачев в Астрахани» Пугачев, подобно сыну Разина, отвечает на допросе:

Я не царь и не царский сынок,
А родом – Емеля Пугач.
Много я вешал господ и князей,
По Рассеи вешал я неправедных людей²⁶.

Этот сценарий мятежа разворачивается и в цитированной выше песне «Ой да не бела зорюшка занималася», в которой социальный протест попадает в фокус эпического изложения. Пользуясь донским происхождением Пугачева, песня переносит точку начала восстания с Яика на Дон. Этот ход маскирует тот факт, что во время пугачевщины Донское войско в целом осталось верно имперским властям, и вписывает пугачевский мятеж в богатую эпическую традицию донских волнений. Песня о пугачевщине вторит изображению Некрасова:

22 Там же. С. 275.

23 *Исторические песни XVII века*. С. 157.

24 Там же. С. 358.

25 Там же. С. 159.

26 *Исторические песни XVIII века*. С. 273.

Помутился, возмутился наш славный тихий Дон
[...] Возмутил его, помутил его, братцы, донской казак,
Что Игнатьюшка сын Иванович Некрасов²⁷.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Однако, в отличие от Некрасова, Пугачев возглавляет наступление на *Рассею*: «Ой да от Сибири до Москвы-матушки, / От Кубани до муромских лесов». Этот сценарий подразумевает не только выход за казацкую территорию, но и создание широкой плебейской коалиции против *господ и князей*, чья власть исходит из Москвы и Петербурга. Поход на Москву был архетипической мечтой голутвенного протеста. В одной из разинских песен уже знакомая нам сцена выборов атамана завершается такой программой действий:

Мы пойдемте-ко, ребята, на святую Русь,
Мы Казань-то городок возьмем с вечера,
А Москву возьмем ко белой зоре²⁸.

Сценарий похода на Москву составлял предельный, неосуществившийся горизонт пугачевщины:

«[Если б] сообщники его от него не отстали, – говорил Пугачев, – то б он покусился иттить и в Москву. Но во все время злодейств его никакого он разположения в злой своей душе – чем сие его злодейство кончить – не имел, но когда разбивали его толпу верные войски, то он только думал о том, как бы ему не быть пойману»²⁹.

Атамана-практика занимает поход как таковой, а не маловероятная победа, но поход этот разворачивается в общем географическом и символическом пространстве империи. Взятие Москвы составило бы кульминацию земской революции. Пугачев говорил сообщникам, «что естли не примут его на Москве за государя, то уже сам в руки отдастся»³⁰. По образцу земских соборов в Москве должно было бы состояться общенациональное, а не только казацкое избрание «Петра III» на царство, обозначенное формулой *принять за государя*.

Это словосочетание здесь не имеет значения «обмануться», «спутать Емельяна Пугачева с Карлом Петером Ульрихом Голштейн-Готторпским». Пугачев пояснял следователям, что про поход на Москву «говаривал он к ободрению воровской своей шайки, а сам он в Москву итти не хотел, потому што, зная он о себе, что – казак, как бы ему возможно в Москву появитца? – ибо в Москве, думал он, что все покойного государя знавали»³¹.

27 Там же. С. 86.

28 Исторические песни XVII века. С. 150.

29 Емельян Пугачев на следствии... С. 221.

30 Там же. С. 126.

31 Там же. С. 215.

Иными словами, о том, что Москва может *принять* его за *государя*, Пугачев рассуждал в роли Петра III при своей «шайке», а значит, не бахвалился способностью всех обмануть, но, наоборот, описывал сценарий всенародного признания законного царя. В этом воображаемом сценарии Петр III приходит с казачьим войском в Москву и ждет народного решения и «суда с государынею»³². Даже поражение Петра III на таком суде, за которым неизбежно последовала бы кара за бунт, вытекало бы из общенародного плебисцита, а не из уголовного факта подмены личности. На предложение своих яицких сообщников жениться на казачке Пугачев отвечал: «Естли я здесь женюсь, то Россия мне не поверит, что я царь». Но казаки говорили: «Когда-де мы поверили, так, конечно, и вся Россия поверит, а за то больше, что мы – славные яицкие казаки»³³.

Атамана-практика занимает поход как таковой, а не маловероятная победа, но поход этот разворачивается в общем географическом и символическом пространстве империи. Взятие Москвы составило бы кульминацию земской революции.

Если *славные яицкие казаки* видят себя авангардом и военной аристократией нового порядка, то *Россию* (она же, на языке песен, *Рассея* или *святая Русь*) они признают за политическое единство, наделенное собственной демократической территориальностью: *Россия* уполномочена *поверить* или *не поверить* в царский титул Пугачева, *принять* или *не принять* его за *государя*. Повстанцы отправляли эмиссаров в «разные уезды для разведывания, что про означенного Пугачева в народе говорят, и желают ли народом принять ево, Пугачева, за царя»³⁴. Пугачевский полковник Иван Грязнов, увещевая в январе 1774 года «всех родов народы» Исетской провинции признать самозванца, сулил созвать всеобщее собрание народа, уполномоченное взвешивать доводы обеих сторон и выбирать между двумя претендентами на трон:

«Прислан от его превосходительства генерал-порутчика и кавалера Ивана Александровича Деколонга мулла Абдул-Гафер Мансуров для увещевания народа, которого мы выслушали. Почему для совета послали мы ведомства Исетской провинции во все волости звать народ, больших и малых. Для того до собрания народа реченной

³² Там же.

³³ Там же. С. 92.

³⁴ *Пугачевщина. Сборник документов* / Подг. С.А. Голубцов. М.; Л.: Государственное издательство РСФСР, 1929. Т. II («Из следственных материалов и официальной переписки»). С. 247.

провинции генерал-поручик имеет дать время. Какое же по собранию народа будет согласие, – объявить не оставим»³⁵.

КИРИЛЛ ОСПАВАТ

САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

В конституционной идее плебисцитарного органа и выборов правителя сходились традиции самых разных групп, вовлеченных в восстание: память о московских Земских соборах и Уложенной комиссии 1767–1768 годов (в пугачевском войске воевали несколько ее депутатов) встречалась с обыкновениями крестьянского *мира*, яицких казаков и народов Степи. Башкирские источники ясно говорят о плебисцитарных истоках бунта. Протесты башкир начинались с общих собраний – *йыйынов*³⁶. Записанная в XIX веке башкирская песня о Салавате Юлаеве, предводителе присоединившихся к Пугачеву башкир, представляла его харизматическим плебисцитарным вождем:

«Аллах велел Салавату идти против неверных и чтобы он объявил о себе народу, что *пора всем правоверным соединиться, избрать себе предводителем его, Салавата*, и, во всем беспрекословно слушая его, не иметь собственной воли»³⁷.

За общностью плебисцитарных процедур стояло сходство правовых представлений, позволявшее самым разным группам объединяться против имперского центра. Многослойная фигура *самозванца-государя* (как Пугачева называл его сторонник Семен Котельников³⁸) была точкой сборки *России* как коалиции и общего, надэтнического пространства мятежа³⁹. В глазах императорской администрации казачий круг и власть атамана имели локальный характер. В записке 1748 года о яицком войске Иван Неплюев писал, что согласие казацкого круга и его атамана нужно «требовать токмо на одни их домашние, то есть мирские дела», а все «по должности их к службе ее императорского величества и высочайшим интересам принадлежащее» сообщать казакам в форме распоряжений⁴⁰. Казачий мятеж отвечал на этот вызов, расширяя полномочия круга и атамана на всю империю. Пугачевские манифесты провозглашали всех крестьян «вечно казаками»⁴¹. В одной фрагментарно сохранившейся песне поется:

35 Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / Сост. А.И. Аксенов, Р.В. Овчинников, М.Ф. Прохоров. М.: Наука, 1975. С. 273.

36 См.: Материалы по истории Башкортостана / Подг. А.П. Чулошников. Уфа: Полиграфдизайн, 2019. Т. II. С. 61–62.

37 Игнатьев Р.Г. Песня о батыре Салавате // Башкирия в русской литературе: В 6 т. / Сост. М.Г. Рахимкулов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. Т. 2. Курсив мой. – К.О.

38 Пугачевщина... Т. II. С. 347.

39 См.: ШАРФ К. Пугачев: император между периферией и центром: к постановке проблемы // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 99–112.

40 Неплюев И.И. Записка И.И. Неплюева об устройстве Яицкого (ныне Уральского) казачьего войска, в царствование Елисаветы Петровны // Русский архив. 1878. № 5. С. 18.

41 Документы ставки Е.И. Пугачева... С. 47.

Емельян Пугачев, природою с Дона,
В Рассеи как дома.
Пришел он в Рассею с малой дружиной,
А сделал ее со великой кручиной⁴².

Перед нами политико-географическая формула бунта, в ходе которого авторитет восставшего голутвенного атамана принимается всей плебейской Рассеей. Именно для этого походный атаман становится государем. Первый яицкий бунт, ограничивавшийся пределами яицкого войска, не нуждался в самозванцах. Ближайшие сподвижники Пугачева, яицкие казаки Иван Зарубин-Чика и Тимофей Мясников, о его самозванстве потом говорили так:

«Зарубин-Чика показывал: “Желание они [казаки] давно имели взбунтовать по причине зделавшейся между ними ссоры... Приехав на умет [где скрывался Пугачев после бегства из Казани], он, Зарубин, увидя злодея, по лицу и образу счел, что ему государем быть нельзя, но он положил принять его государем”. [...]

Максим Горшков так передавал свой разговор с Тимофеем Мясниковым: “По многим советываниям, – говорил Мясников Горшкову, – приметили мы в нем [Пугачеве] проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которые вить правительство давно старается у них переменить введением к ним какого-то новаго штата на основании военном, чего они никогда ни хотели принять. И хотя, по бывшим у нас на Яике происшествиям, пренуждены мы остаться без всякого удовольствия, как то думают, в спокойном духе, однако ж искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобный к тому случай и время. И так для сих-то самых причин вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего времени [были]. А бояр, какие больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь и на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который так же от господ притеснен и в конец разорен”»⁴³.

Советские публикаторы этих свидетельств заключали, что «руководящая часть яицкого казачества знала, что он [Пугачев] не Петр III, а донской казак, но сознательно скрывала это от других, будучи уверена, что под флагом царизма легче будет защитить свои социально-политические интересы»⁴⁴. Это макиавеллистское толкование событий не лишено оснований, однако сосредоточивается на тактике и механике власти, игно-

⁴² Исторические песни XVIII века. С. 272.

⁴³ Допрос Е. Пугачева в Москве в 1774–1775 гг. // Красный архив. 1935. № 2–3(69–70). С. 228–229.

⁴⁴ Там же. С. 228.

рируя архетипы низового демократического сознания, которые обеспечивали широкую легитимность фигуре *самозванца-государя*. В речах Мясникова мы тех, кто взял Пугачева «под свое защищение», не сводится к узкой группе заговорщиков, но может быть расширено на все казачье сообщество, в котором память об утраченных привилегиях и «искра злобы за такую несправедливость... крылась до тех пор, пока изобрели удобный к тому случай и время». Мясников рассказывает историю не только тайного заговора, но и демократически-плебисцитарного, хотя и неформального, избрания, составляющего исходный акт бунта. В формуле «властелин и восстановитель притесненных и почти упавших обрядов и обычаев», которой Мясников описывал полномочия Пугачева, слышится не столько тактическая хитрость, сколько конституционный язык казацкой *вольности*. Поставление в *государя* «донского казака Емельяна Пугача» осуществляло обычно-правовую модель выборной и договорной монархии, противоположную московскому принципу патримониального наследования и дворцовым переворотам петербургского двора.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ

САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Поставление в *государя* «донского казака Емельяна Пугача» осуществляло обычно-правовую модель выборной и договорной монархии, противоположную московскому принципу патримониального наследования и дворцовым переворотам петербургского двора.

Заметим, что термин *самозванец* не только обозначал не-тождество Пугачева с Карлом Петером Ульрихом Голштейн-Готторпским, но и указывал на факт выдвижения предводителя из народа, вне процедур династического наследования, административного назначения или церковного помазания. Если глаголом *принять* называлось избрание, то формула *сам назвался* обозначала акт электорального самовыдвижения. «В 1596 году, – писал Василий Рубан в «Краткой летописи Малыя России» (1777), – шляхтич Косинский [...] сам себя назвал гетманом козацким и козаками принят. От сего Косинскаго взошел обычай козакам избирать себе гетманов вольными голосами»⁴⁵. Перед нами устойчивая формула: «Во окончании 1647 году Богдан Хмельницкий назвал себя гетманом, и козаки его приняли и избрали его собою 21 гетманом»⁴⁶. Павел По-темкин в 1794 году именовал Национальное собрание револю-

⁴⁵ Рубан В.Г. *Краткая летопись Малыя России, с 1506 по 1776 год*. СПб.: Печатано при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе у содержателя типографии Х.Ф. Клена, 1777. С. 10.

⁴⁶ Там же. С. 18.

ционной Франции «самозванным собранием народным»⁴⁷. Сам Пугачев происхождение и характер своей власти описывал на допросе так:

«Он мерской свой живот в руки отдал с самого начала злодеяней его яицким казакам, почему никак он не смел противитца во всем их богу ненавистной воле и, что б оне в Яике на совете положили, то б он делать и стал»⁴⁸.

Это признание не сводится к попытке снять с себя ответственность: Пугачев в целом в винах не заперся и на следующем допросе признавал, что «все [...] учиненные злодеяния от него произошли»⁴⁹. Он охотно рассказывал следователям, что обладал в своем войске серьезными полномочиями: миловал и карал, руководил военными действиями и учреждал органы власти. Однако с тем же единодушием, с каким исследователи нашей эпохи видят в авторитете Пугачева отображение петербургского абсолютизма, современники бунта сходились в том, что Пугачев не был самодержцем. Екатерина II констатировала неспособность своего неудачливого соперника послушаться яицких казаков. Посланный на подавление бунта Александр Бибииков писал: «Пугачев – чучела, которую воры-яицкие казаки играют»⁵⁰. Свидетель мятежа сообщал, что «яицкие были первенствующими и властовались столько же, сколько Пугачев»⁵¹. В казачьем войске Пугачев был фигурой, для которой в официальном политическом словаре просто не находилось термина: он был избранным предводителем, носителем демократического авторитета, проистекавшего, по логике конституционного *обычая*, из общей воли *народа* и ею же ограничивавшегося. «Станичный атаман у донских казаков, – писал о донских казаках путешественник Иван Лепехин, – ничего без согласия мирян предпринять не может, но все делает с общего совета»⁵². Эти ограничения не упраздняли (до времени) реальной власти предводителя или его способности манипулировать общей волей; манипуляция такого рода с афинских времен относится к определяющим признакам демократического правления. Однако в конце восстания сам Пугачев был низложен кругом остававшихся с ним казаков, которые только после этого сдали его властям.

47 Потемкин П.С. *Письмо к Ивану Ивановичу Шувалову (отрывок)* // Ж.-Ж. Руссо: *pro et contra*. Антология. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2005. Т. 1. С. 147.

48 Емельян Пугачев на следствии... С. 211.

49 Там же. С. 221.

50 Овчинников Р.В. *О пушкинской публикации письма А.И. Бибиикова к Д.И. Фонвизину* // *Временник Пушкинской комиссии*. 1979. Л.: Наука, 1982. С. 139.

51 *Пугачевщина*... Т. II. С. 218.

52 Лепехин И. *Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году*. СПб., 1771. Ч. I. С. 428.

«Самозванец дорогою просил [...] чтоб [...] собрали из казаков круг. [...] Самозванец в собранном кругу спрашивал всех казаков: “Куда вы, Яицкое войско, намерены теперь ехать, и что хотите со мной делать?”. Казаки закричали: “Мы намерены весть тебя в Яицкой городок с повинною. Мы де сомневаемся в тебе, царь ли ты, нет ли – так де поди, сам оправдайся, а мы больше с тобою ехать никуда не хотим”»⁵³.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

В роли *государя* Пугачев возобновлял те институты прямой демократии, которые у казаков отбирало правительство. О собиравшихся Пугачевым кругах красноречиво рассказывал следствию Афанасий Перфильев:

«Когда самозванец намерен был из городка возвратиться в Берду, то собравши из казаков круг, велел читать пред всеми именной свой указ, которым жаловал Яицкое войско: рекою Яиком с вершины до устья и всеми впадающими в оную протоками, всеми выгодами, вольностию, свинцом, порохом, крестом и бороною. Тем же указом повелевал выбрать им в кругу общим советом кого сами захотят для их управления войскового атамана и двух старшин с тем, что естли выбранные ими атаман и старшины не станут делать войску удобность и казаки будут ими недовольны, та отдаст на их волю хоть чрез три дни старого атамана и старшин сменить, а на места их выбрать других в кругу по общему совету. По прочтении ж сего указа самозванец всему кругу говорил: “Извольте, Яицкое войско, выбирать себе атамана и старшин по-прежнему вашему обыкновению кого хотите: отдаю на вашу волю”. Тогда казаки все закричали: “Довольны, батюшка, надёжа-государь, вашею царскою милостию!”. И пошли в кругу переговоры в похвалу самозванца такие: “Тота отец-ат, посмотри-ка, отдает на нашу волю выбор атамана, он старинной наш обычай по-прежнему хочет возстановить!”. А потом, посмотревши на всех казаков и пососоветовавши несколько, указали самозванцу на Каргина, на него, Перфильева, и на Ивана Фофанова и сказали, что они первого выбирают атаманом, а последних – старшинами. Самозванец говорил: “Ну, когда вам угодно, будь по вашему, я воли с вас не снимаю”»⁵⁴.

Рассказ Перфильева восстанавливает перед нами казацкий конституционный *обычай*. Пугачев предстает здесь в той самой роли «властелина и восстановителя притесненных и почти упавших обрядов и обычаев», о которой говорил Мясников. Выборы, где сам Перфильев получил старшинскую должность, он изображает как развернутый демократический ритуал. После обычной своей формулы пожалования Яиком Пугачев торжественно возобновляет казацкие выборы, ограниченные вне пределов восстания властью старшины и войсковой канцелярии. Казаки вольны выбирать и тут же смещать

53 Пугачевщина... Т. II. С. 171–172.

54 *Сподвижники Пугачева свидетельствуют* // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 104–105.

атаманов и старшин, не дожидаясь их смерти и не следуя приказам. *Царская милость* состоит в том, чтобы восстановить и сохранять принцип выборности и демократической воли: «Тота отец-ат, посмотри-ка, отдает на нашу волю выбор атамана, он старинной наш обычай по-прежнему хочет возстановить!». После окончания баллотировки *государь* напоминает, что власть остается у круга: «Ну, когда вам угодно, будь по вашему, я воли с вас не снимаю». Пугачев уезжает, а Перфильев подробно рассказывает о своем избрании, бравируя перед следователем всеми обыкновениями казачьей электоральной традиции:

«Проговоря сие, самозванец от них поехал, а войско вслед ему кричало: “Благодарствуем, надежа-государь, на твоей царской милости”. По уезде самозванца казаки вызвали их троих в средину круга и, сняв шапки, стали кланяться и просить: “Пожалуй, господин атаман, и вы, господа старшины, примите на себя этот труд, послужите нам, Яицкому войску, верою и правдою”. Они же, выбираемые, отказывались от сей налагаемой на них должности такими словами: “Мы, де, Яицкое войско, не имеем большего разума, да и недостойны управлять вами”. Но напоследок, по многим с обеих сторон перекорам (кои у них обыкновенно и прежде при таких выборах в кругах бывали, и хотя бы кто и сам того чина домогался, однакож, всегда в кругу отговариваются от принятия оного для того, чтоб больше их просили и чтоб тем показать свое безкорыстие) приняли на себя налагаемые чины и в согласие на то сказали: “Ну ин воля ваша, Яицкое войско”. И так, вступая они в сию должность, начали управлять яицкими казаками»⁵⁵.

Если Перфильева интересовали только казачьи права, то Мясников подчеркивал, что объявление Пугачева *государем* должно было привести к тому, что «сила наша умножится от черного народа, который так же от господ притеснен и в конец разорен». Роль царя-освободителя Пугачев играл и перед крестьянами, или – как их называли казаки – *русскими мужиками*. Вскоре после первого манифеста, в октябре 1773 года, группа бунтующих яицких казаков добралась до деревни Михайлово помещика Михайлы Карамзина (отца будущего автора «Бедной Лизы»). Собрав крестьян, «хорунжей казачей сказывал им, что они посланы из армий от государя Петра Федоровича разорять помещичьи дома и давать крестьянам свободу». Запретив крестьянам работать на барина под угрозой смерти, хорунжий предложил сомневающимся самим прибыть к Пугачеву. Крестьяне послали трех выборных, один из которых был допущен до самозванца. Пугачев спросил его, не приехали ли они служить в его войске. Служить крестьянин отказался,

на что Пугачев ответил, «“что де у меня нет никого невольников”, и приказал дать ему милостивый указ, чтоб крестьянам быть свободным от податей помещичьих и от работ»⁵⁶.

КИРИЛЛ ОСПОВАТ
САМОЗВАНЕЦ
И ДЕМОКРАТИЯ

Пугачев играл роль спасшегося Петра III: скрывал свою неграмотность, рассказывал истории о своем авантюрном спасении, называл Екатерину II супругой, а Павла Петровича – сыном. Однако самозванство Пугачева не может быть до конца описано в категориях ловкого обмана или иррационального суеверия. Не менее важна и политическая логика плебисцита, в ходе которого и окружение Пугачева, и *черный народ* принимали решение *верить* или *не верить* в политический спектакль, в котором Пугачев разыгрывал *государя*. Состоятельность царской легенды Пугачева зависела, в конце концов, от коллективных настроений и интересов крестьян, казаков и народов Степи. Они выяснялись и артикулировались в сфере, которую современники выразительно именовали *народным эхом* – в плебейской публичной сфере кабацких речей, *слухов* и *толков*, которую напрасно стремились подавить высочайшие указы⁵⁷.

Самозванство Пугачева не может быть до конца описано в категориях ловкого обмана или иррационального суеверия. Не менее важна и политическая логика плебисцита, в ходе которого и окружение Пугачева, и *черный народ* принимали решение *верить* или *не верить* в политический спектакль, в котором Пугачев разыгрывал *государя*.

В отличие от официального порядка, строившегося на принципе самодержавия и неподотчетных административных и словесных иерархиях, крестьянский мир управлялся общественным мнением⁵⁸. На сходах, предшествовавших бунту 1755 года, башкиры так описывали соотношение имперского порядка, общественного мнения и мятежа: «государство, играющее со своими подданными и творящее злодеяние своим подчиненным, не дойдет до добра, и то, что входит в живую народную молву, не может быть попусту: в конце концов есть предел для таких злодеяний»⁵⁹. Пугачевские казаки рассказывали, что во время

⁵⁶ *Пугачевщина...* / Подг. С.А. Голубцов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. Т. III («Из архива Пугачева»). С. 8.

⁵⁷ Там же. С. 34.

⁵⁸ См.: Громыко М.М. *Традиционные нормы поведения и формы общения крестьян XIX в.* М.: Наука, 1986. С. 105–113.

⁵⁹ *Материалы по истории Башкортостана*. Т. II. С. 59.

своих мифических странствий самозванец получил от папы римского такой совет: «когда де ты сделаешь такой колокол, чтоб во всем свете слышан был (то есть распустить бы по всему свету слух, что он жив), то тогда де ты государем и будешь»⁶⁰. Эта легенда содержит в себе плебисцитарную теорию верховной власти, которая выводит и династическую легитимность, и личную идентичность правителя из постановлений общественного мнения. Фольклорные песни о Лжедмитрии I, с которым Пугачева сравнивал екатерининский манифест, не выказывали наивной веры в воскресшего царевича, но, напротив, сетовали, что «называется Расстрига прямым царем», и именовали его *прелестником*: «прелстил он, вор-собака, три земли»⁶¹. Башкирский сотник Упак Абзанов на допросе показывал:

«Башкирцы [...] сами знали, что он, Пугачев, из злейших разбойник, но из-за того ему повиновались единственно, льстясь лестным его обещанием, что он может возвратить имевшуюся в здешних местах заселившую землю и что господ никого не будет, а всякий делается самовластным»⁶².

Неустойчивому авторитету самозванца отвечает претензия его подданных на демократическое *самовластие*, включающее, как видно, упразднение сословных иерархий и право *признавать* царя по собственному суждению.

⁶⁰ Пугачевщина... Т. II. С. 390.

⁶¹ Исторические песни XVII века. С. 28.

⁶² Российский государственный архив древних актов. Ф. 1274. Д. 182. Л. 231.